

Оригинальная статья

УДК 165.41

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-2-21-33>

«Принцип недоверия помыслам» и проблема соотношения эпистемической и моральной ответственности (на примере статей А. С. Мишуры и С. М. Левина)

Салават Раисович Муртазин

*Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия,
salavat.murtazin@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5428-1093>*

Введение. Статья посвящена проблеме соотношения моральной и эпистемической ответственности. В качестве конкретного примера концепции, рассматривающей взаимосвязь двух исследуемых форм ответственности, приводится «принцип недоверия помыслам», формулирующийся в статьях А. С. Мишуры и С. М. Левина. Цель статьи – проанализировать этот принцип и аргументацию в его пользу, а также прояснить разграничение между моральной и эпистемической ответственностью.

Методология и источники. Автор использует метод концептуального анализа для решения поставленной исследовательской задачи. К главным источникам работы относятся статьи А. С. Мишуры и С. М. Левина. К вспомогательным источникам относятся работы авторов, принадлежащих к аналитической философской традиции.

Результаты и обсуждение. В статье проанализированы две возможные формы ответственности: эпистемическая и моральная. Рассмотрены два возможных типа определений слова «ответственность»: дескриптивный предполагает формулировку условий, необходимых для возможности реакции на действия или убеждения агента, прескриптивный включает в себя критерии оценки агента, его действий или убеждений как заслуживающих поощрения или порицания. Принцип недоверия помыслам, поддерживаемый А. С. Мишурой и С. М. Левиным, предполагает, что в определенных ситуациях морально ответственно отбрасывать свидетельства в пользу истинности некоторых убеждений. Слабым местом анализируемых статей являются примеры, которые не способствуют прояснению причинно-следственной связи между истинным убеждением и морально порочным поступком.

Заключение. В статье высказывается сомнение в том, что А. С. Мишуре и С. М. Левину удалось ясно и убедительно продемонстрировать взаимосвязь между истинными убеждениями агента и его морально порочными поступками. С точки зрения автора, приведенные С. М. Левиным примеры могут быть сведены к выбору между альтернативными трактовками моральной ответственности, а не выбором между моральной и эпистемической ответственностью.

Ключевые слова: эпистемическая ответственность, моральная ответственность, знание, помысел, истина, доказательства, убеждения

Для цитирования: Муртазин С. Р. «Принцип недоверия помыслам» и проблема соотношения эпистемической и моральной ответственности (на примере статей А. С. Мишуры и С. М. Левина) // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 21–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-21-33.

© Муртазин С. Р., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Principle of Distrust to Thoughts and the Problem of the Correlation of Epistemic and Moral Responsibility (on the Example of Articles by A.S. Mishura and S.M. Levin)

Salavat R. Murtazin

*Kazan State Medical University, Kazan, Russia,
salavat.murtazin@kazangmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5428-1093>*

Introduction. The article is devoted to the problem of the correlation between moral and epistemic responsibility. As a concrete example of the concept that takes into account the interrelation between the two forms of responsibility under consideration, the 'principle of distrust of thoughts' formulated in the articles by A.S. Mishura and S.M. Levin is given. The aim of the article is to analyze this principle and the arguments in its favor, as well as to clarify the distinction between moral and epistemic responsibility.

Methodology and sources. The author uses the method of conceptual analysis to solve the research problem. The main sources of the work are articles by A.S. Mishura and S.M. Levin. Auxiliary sources include the works of authors belonging to the analytic philosophical tradition.

Results and discussion. The article analyses two possible forms of responsibility: epistemic and moral. Two possible types of definitions of the word «responsibility» are considered. Descriptive ones involve the formulation of conditions necessary for the possibility of reacting to the agent's actions or beliefs. Prescriptive ones involve criteria for judging an agent, their actions, or their beliefs as deserving of reward or blame. The principle of thought disbelief, advocated by A.S. Mishura and S.M. Levin, suggests that in certain situations it is morally responsible to reject evidence in favor of the truth of certain beliefs. The weakness of the articles analyzed is that the examples do not help to clarify the causal link between a true belief and a morally corrupt act.

Conclusion. The article doubts that A.S. Mishura and S.M. Levin have been able to demonstrate clearly and convincingly the relationship between an agent's true beliefs and their morally corrupt actions. In the author's view, the examples given by S.M. Levin could be reduced to a choice between alternative interpretations of moral responsibility, rather than a choice between moral and epistemic responsibility.

Keywords: epistemic responsibility, moral responsibility, knowledge, thought, truth, evidence, belief

For citation: Murtazin, S.R. (2025), "The Principle of Distrust to Thoughts and the Problem of the Correlation of Epistemic and Moral Responsibility (on the Example of Articles by A.S. Mishura and S.M. Levin)", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 21–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-21-33 (Russia).

Введение. В рамках современной академической философии многие авторы как англоязычные, так и русскоязычные посвящают свои исследования анализу двух форм ответственности. Первый – это ответственность человека как морального агента за его действия (осознанные или неосознанные), а также за их последствия. Одной из немаловажных проблем в данном контексте является поиск ответа на вопрос об условиях самой возможности подобного рода ответственности, в том числе ее совместимости с теми или иными формами детерминизма. Этот вид ответственности прежде всего интересует исследователей в области этики, метаэтики, а также отчасти юриспруденции и философии права. Второй вид ответственности, проблематизируемый многими современными авторами, в свою очередь

подразумевает ответственность человека как эпистемического агента за процесс собственной познавательной деятельности, а также за ее результаты. Такая форма ответственности прежде всего рассматривается представителями таких направлений, как эпистемология добродетелей и социальная эпистемология.

Однако можем ли мы утверждать о существовании каких-либо пересечений между моральной и эпистемической формами ответственности? Существует точка зрения, что, намеренно игнорируя свидетельства в пользу какого-либо убеждения, т. е. игнорируя истину, мы заслуживаем порицания не только с точки зрения эпистемической, но также и моральной ответственности. Подобную мысль мы можем встретить, например, в работах У. Клиффорда и П. Ван Инвагена. Оспаривая данный тезис, А. С. Мишура и С. М. Левин излагают в своих статьях идею о том, что иногда моральная и эпистемическая формы ответственности прямо противоречат друг другу, обозначая данную концепцию как «принцип недоверия помыслам» (далее «ПНП»). С точки зрения этой концепции в каких-то случаях игнорирование истинных убеждений может быть оправдано тем, что эти убеждения могут подтолкнуть человека к аморальному и порочному поступку. В статье рассмотрены приводимые авторами А. С. Мишурой и С. М. Левиным аргументы в пользу этого принципа, а также проанализированы сами понятия «моральная» и «эпистемическая ответственность».

Методология и источники. В статье используется метод концептуального анализа. Этот метод необходим для прояснения возможных значений терминов «моральная ответственность» и «эпистемическая ответственность», в том числе для выявления и анализа их дескриптивных и прескриптивных определений, встречающихся и используемых как в исследовательской литературе, так и в повседневном словоупотреблении.

В работе используются две группы источников. Главными являются статьи А. С. Мишуры и С. М. Левина, в которых излагается суть, возможные значения и обоснование «принципа недоверия помыслам», прямо затрагивающего проблему соотношения моральной и эпистемической ответственности. К вспомогательным источникам относятся работы представителей современной аналитической философской традиции, формулирующих возможные определения и/или существенные признаки концептов «эпистемическая ответственность» и «моральная ответственность».

Результаты и обсуждение. «Принцип недоверия помыслам» – это концепция, формулируемая А. С. Мишурой в его одноименной статье [1]. С. М. Левин, в целом поддерживая данную концепцию в своей статье «Моральная ответственность познающего субъекта» [2], несколько модифицирует этот принцип. Оба автора утверждают, что требования эпистемической и моральной ответственности в определенных ситуациях могут прямо противоречить друг другу. Таким образом, отечественные исследователи ставят под сомнение идею У. Клиффорда и П. Ван Инвагена о том, что, поступая эпистемически безответственно, мы также идем против требований ответственности моральной. Из сказанного следует, что для лучшего понимания «принципа» необходимо попытаться прояснить то, что именно мы можем подразумевать под «моральной» и «эпистемической» формами ответственности.

Что значит быть «морально ответственным»? Один из ответов на этот вопрос можно обозначить как «дескриптивный», или описательный. В качестве конкретного примера можно привести определение, которое в своей статье «Проблема свободы воли: обзор ключевых аспектов» приводит А. С. Мишура [3].

чевых исследований конца XX – начала XXI вв. в аналитической философии» формулирует Д. Б. Волков. Он утверждает, что моральная ответственность «возникает в межличностных отношениях и выражается в диспозиции обоснованно вызывать у других агентов специфические ответные реакции. Среди этих реакций – благодарность, признательность, уважение, обида, негодование. Быть морально ответственным – значит быть приемлемой мишенью для этих реакций, заслуживать одобрение или порицание за совершенные поступки» [3, с. 176]. Мы обозначаем это и схожие с ним определения моральной ответственности как дескриптивные, так как они описывают условия возможности приписать агенту моральную ответственность. В качестве таких условий многие авторы обозначают наличие возможности поступить иначе и быть источником собственных действий и решений. Дескриптивные определения моральной ответственности, как представляется, наиболее характерны не для повседневного словоупотребления, но для этических и метаэтических исследований, проблематизирующих саму возможность подобного рода ответственности, например, при допущении истинности каузального или иных форм детерминизма. Немного забегаая вперед, отметим, что эти критерии (возможность поступить иначе и быть источником собственных действий) также могут рассматриваться как средство разграничения между «действием», которое не всегда осознанно (может быть совершено под влиянием аффектов, психических заболеваний и т. д.), и «поступком», который по определению является действием сознательным и намеренным и, следовательно, поддающимся моральной оценке. Акцент на «сознательности», «целенаправленности» поступка в противовес «импульсивности» действия, например, дает определение «поступка» «Краткий психологический словарь» А. Л. Свенцицкого [4].

В то же время помимо дескриптивного в рамках нашего повседневного словоупотребления встречается определение моральной ответственности, которое может быть обозначено как «прескриптивное» или предписательное. Например, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой качество «ответственный» обозначается как «имеющий высоко развитое чувство долга, ревниво относящийся к своим обязанностям» [5, с. 468]. В подобных определениях ответственность или ее отсутствие рассматривается не просто как условие возможности той или иной реакции на действия человека, но как полноценный критерий оценки этих действий. Приведем конкретные примеры. В контексте дескриптивных определений ответственность не может быть приписана людям, страдающим некоторыми формами психических заболеваний либо действующим под принуждением. Отсутствие у этих людей свойства «быть (морально) ответственным» в указанном смысле не может рассматриваться как основание для их осуждения. И наоборот, отсутствие психических заболеваний либо возможность быть источником своих осознанных действий сами по себе не заслуживают поощрения или похвалы. Однако мы нередко сталкиваемся со случаями, когда наличие или отсутствие ответственности может рассматриваться как повод для порицания или поощрения человека. Например, студент Вася, заявивший об участии в конференции с устным докладом, но не явившийся на свою секцию, скорее всего, вполне обоснованно и правомерно будет охарактеризован как «безответственный». В этом случае отсутствие у Васи свойства «быть (морально) ответственным» не просто не освобождает его от порицания и осуждения, но наоборот, дает все основания для подобного рода реакции.

И дескриптивные, и прескриптивные определения моральной ответственности подразумевают ответственность человека за его поступки и последствия этих поступков для окружа-

ющих. Однако в рамках современной эпистемологии авторы затрагивают в своих работах вопрос об ответственности человека не только как морального, но также как эпистемического агента. То есть, его ответственности за процесс познавательной деятельности и ее результаты. Подобная форма ответственности – это эпистемическая ответственность. Эпистемическая ответственность является фундаментальной исследовательской проблемой для такого направления современной эпистемологии, как респонсibiliзм (от англ. responsible – ответственный). Более того, именно это название носит одна из основополагающих для этого направления работ, а именно труд Л. Коуд «Эпистемическая ответственность» [6]. В рамках исследований, посвященных этой форме ответственности, также можно выделить дескриптивные и прескриптивные определения. Дескриптивные определения делают акцент на активности человека как познающего субъекта, на наличие у него возможности контролировать процесс собственной познавательной деятельности и влиять на ее результат. Говоря словами самой Л. Коуд, в отличие от компьютера, «познающий [субъект] имеет в важном отношении выбор относительно способов структурирования познания и несет ответственность за этот выбор» [7, р. 39]. Говоря иначе, мы не можем обвинить компьютер в поломке или ошибке в расчетах, так как он не может повлиять на свою работу. В то же время было бы странно также и хвалить компьютер за правильные расчеты. Компьютер может быть надежным или ненадежным, но он не может нести ответственность за свою работу. В отличие от компьютера, человек может активно контролировать процесс формирования им своих убеждений и, соответственно, быть приемлемой мишенью для порицания за ошибочные убеждения либо поощрения за истинные. Таким образом, как и в случае с моральной ответственностью, дескриптивные определения эпистемической ответственности делают акцент на условиях возможности оценки, однако не действий человека самих по себе, но тех действий, которые направлены на формирование и обоснование тех или иных его убеждений. В данном контексте ответственность также не является причиной для порицания и похвалы сама по себе, так как наличие возможности активно влиять на познание и его результат не является заслугой самого человека.

Прескриптивные определения эпистемической ответственности, в свою очередь, обозначают конкретные критерии оценки эпистемического агента и его познавательной деятельности как заслуживающие поощрения или, наоборот, порицания. В качестве подобного рода критериев многими авторами рассматриваются, во-первых, мотивированность познающего субъекта стремлением к истине, и, во-вторых, уважение к доказательствам и свидетельствам (в широком смысле слова, а не только к свидетельствам как сообщениям других о чем-либо) в пользу истинности или ложности того или иного убеждения. Как, например, утверждает Х. Грассвик, «Быть эпистемически ответственным означает быть мотивированным... уважением к доказательствам и стремлением к истине, а также не позволять другим мотивам влиять на формирование убеждений» [8, р. 169–170]. В качестве противоположного стремлению к истине мотива может быть обозначено стремление выдать желаемое за действительное, или как это обозначается в англоязычных публикациях, *wishful thinking*. Подобного рода мотивация связана со стремлением «находить аргументы в пользу выводов, в которые мы хотим верить, более сильными, чем аргументы в пользу выводов, в которые мы не хотим верить» [9, р. 688]. Это, как можно догадаться, явно противоречит как уважению к доказательствам, так и мотивации истиной. То есть, подобная мотивация может ре-

зонно быть обозначена как эпистемически безответственная. Как пишет, например, в своей статье «Can Empirical Knowledge Have a Foundation?» («Может ли эмпирическое знание иметь основание?») Л. Бонжур: «Принятие убеждения при отсутствии таких оснований [основания считать эти убеждения истинными], каким бы привлекательным или даже обязательным ни было такое принятие с других точек зрения, означает пренебрежение поиском истины; такое принятие, можно сказать, эпистемически безответственно» [10, p. 5].

Прояснив то, что именно может подразумеваться под эпистемической и моральной ответственностью, мы можем вернуться к рассмотрению ПНП. Данный принцип, как уже упоминалось в начале статьи, означает, что в некоторых случаях требования моральной и эпистемической ответственности могут явно противоречить друг другу. Стоит отметить, что в данном контексте подразумевается прескриптивное определение и первой, и второй формы ответственности. Например, С. М. Левин пишет: «Эпистемическая ответственность субъекта существует относительно соблюдения им норм познавательной деятельности, в частности, запрета на формирование необоснованных убеждений» [2, с. 308]. Оба рассматриваемых автора актуализируют проблему взаимосвязи игнорирования доказательств (свидетельств) в пользу истинности какого-либо убеждения либо самого истинного убеждения (вопрос эпистемической ответственности), с одной стороны, с возможной оценкой игнорирования истинных убеждений с точки зрения норм морали (т. е. с точки зрения моральной ответственности), с другой. ПНП направлен против идеи тесной взаимообусловленности рассматриваемых форм ответственности, которую в своих работах выдвигают У. Клиффорд и П. Ван Инваген. У. Клиффорд утверждает, что «... неправильно всегда, везде, для всех и каждого верить, во что бы то ни было, без достаточных фактов» [11, с. 177]. Он приводит в своей статье известный мысленный эксперимент о судовладельце, чье нежелание принимать во внимание свидетельства о ненадежности собственного судна приводит к катастрофе и гибели корабля с пассажирами. Этот пример, с точки зрения автора, демонстрирует взаимосвязь эпистемической (игнорирование свидетельств в пользу убеждения о ненадежности судна) и моральной безответственности (безразличие к судьбе его пассажиров). П. Ван Инваген уже в названии работы декларирует свои убеждения: «Неправильно везде, всегда и для любого человека верить чему-либо на основании недостаточных доказательств» (*“It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence”*) [12]. В статье А. С. Мишуры мы можем найти формулировку этико-эпистемической позиции П. Ван Инвагена, прямо связывающую две рассмотренные формы ответственности: «Всегда, везде и для всех ошибочно игнорировать свидетельства, которые значимы для принятия убеждений или легкомысленно отвергать такие свидетельства» [1, с. 261]. Как утверждает С. М. Левин, в данном контексте слово «неправильно» подошло бы больше, чем «ошибочно», так как оригинал подразумевает также и моральную, а не чисто эпистемическую оценку.

В свою очередь А. С. Мишура утверждает, в некоторых случаях «хорошо и правильно [с моральной точки зрения] уклониться от возможности узнать нечто» [2, с. 245]. Он формулирует свой «принцип недоверия помыслам» (ПНП) следующим образом: «Для агента S может быть морально оправданно игнорировать свидетельства в пользу истинности некоторой пропозиции P и мысли о P вообще, если у него имеются достаточные основания считать, что формирование убеждения B, что P имеет место, приведет его к совершению морально порочного поступка, даже если P действительно является истинной пропозицией» [2, с. 244].

И здесь необходимо упомянуть об определенной двойственности, которая присуща статье А. С. Мишуры. Он заявляет, что ПНП полноценно работает только в контексте определенного набора убеждений, а именно набор убеждений православного христианина. Однако ПНП претендует не на то, чтобы быть чисто богословским принципом, но философским в целом и эпистемологическим в частности. Об этом говорит попытка как самого А. С. Мишуры, так и С. М. Левина «перевести» этот принцип на язык натуралистического мировоззрения. Наиболее заметно это у С. М. Левина, в отличие от А. С. Мишуры он приводит примеры, которые, в теории могли бы быть приняты в качестве релевантных не только носителям христианских убеждений. Более того, именно опираясь на подобного рода относительно нейтральный пример, он приходит к выводу, что ПНП нуждается в важном дополнении. А именно, он резонно указывает на то, что у воздержания от истинного убеждения может быть не один, но несколько вариантов последствий. С одной стороны, человек, воздержавшись от убеждения, может воздержаться от морально порицаемого им самим и окружающими поступка, с другой, тем самым он может спровоцировать событие, которое может оказаться еще более пагубным, чем то, что последовало бы вслед за приобретением истинного убеждения. В качестве аргумента он приводит модифицированный пример У. Клиффорда: «Допустим, что судовладелец страдает от расстройства сексуального предпочтения в форме объектофилии... Главным объектом страсти для него является его старый корабль и мысль о том, что корабль не выдержит морское плавание. Судовладелец знает, что мысль о его тонущем корабле вызывает у него... непреодолимое желание к рукоблудию. ...Судовладелец разделяет мнение, что рукоблудие порочно, и поэтому пытается воздержаться от него при помощи следования ПНП» [2, с. 312–313].

Однако затем автор статьи резонно указывает на то, что, пытаясь избежать порочного поступка, следующего за приобретением убеждений о своем корабле, судовладелец обрекает на смерть множество людей. Поэтому, с точки зрения С. М. Левина, судовладелец должен предпочесть меньшее из двух зол. В связи с этим примером автор формулирует «модифицированный принцип недоверия помыслам» (МПНП). А именно, он включает в ПНП следующее условие: «...формирование убеждения В, что Р имеет место, приведет его к совершению морально порочного поступка худшего, чем поступок, который он совершил бы в отсутствие убеждения В...» [2, с. 313–314].

Несмотря на сказанное, представляется, что именно примеры и демонстрация работы принципа на практике в целом являются его самым слабым местом. В статье А. С. Мишуры упоминается мысленный эксперимент со злыми и добрыми нейроучеными. Однако цель этого примера – это скорее «перевод» на натуралистический язык христианских мировоззренческих оснований ПНП, а не попытка продемонстрировать его работу на практике. И автор статьи, как он сам утверждает, не преследует подобной цели. В статье С. М. Левина, в свою очередь, мы можем встретить два примера, демонстрирующих работу как ПНП, так и его собственного МПНП. Однако эти примеры, как представляется, подобраны и сформулированы не совсем удачно. Первый пример – это игрок в компьютерные игры про танки по имени Николай. Он решил завязать с игрой, так как тратит на нее слишком много времени и денег, чем вредит себе и своей семье. Однако помимо игры он увлекается военной историей, в том числе информацией о технических характеристиках танков. С точки зрения С. М. Левина и самого Николая, формирование истинного убеждения о технических харак-

теристиках того или иного танка приведет к тому, что Николай непременно «сорвется», и вернется к своей вредной привычке. Именно поэтому он может поступить эпистемически безответственно, проигнорировав истинные убеждения, но тем самым поступит морально ответственно, как минимум по отношению к своей семье. Второй пример с судовладельцем мы рассмотрели выше.

Почему эти примеры кажутся не совсем убедительными? Прежде всего не совсем понятна связь между истинными убеждениями и морально порочными поступками, которые они могут вызвать. Как минимум в тех примерах, которые приводятся в анализируемых нами статьях. Вернее, жесткая связь между конкретным убеждением и конкретным порочным поступком. Отметим, именно в контексте второго примера (примера с судовладельцем), автор статьи демонстрирует, что у одного решения может быть несколько последствий, между которыми агент должен выбирать, как уже упоминалось в связи с МПНП. Однако неясно, почему подобного рода вариативность исключается в случае связи между убеждениями и порочными поступками. Например, тот же Николай, узнав о технических характеристиках танков, пересилив свое желание зайти в игру, мог бы отправиться на тематический форум или найти сообщество любителей истории, где, помимо всего прочего, он мог бы заслужить похвалу и уважение за свои знания, обзавестись полезными знакомствами, улучшить коммуникативные навыки и т. д. То есть, опираясь на те же истинные убеждения о танках и их характеристиках, совершить поступок, который заслуживал бы скорее поощрения и одобрения, нежели порицания.

То, что убеждение само по себе с необходимостью не ведет к тому или иному конкретному поступку, связано с наличием между ними своего рода посредника. В качестве этого посредника в анализируемых примерах, как мы убеждены, выступает желание (желание поиграть в игру или желание предаться греху рукоблудия). Справедливости ради стоит отметить, что в цитируемом ранее отрывке С. М. Левина упоминается осознание судовладельцем своего непреодолимого желания к рукоблудию и стремление избежать этого желания. В то же время примеры Николая и судовладельца призваны продемонстрировать декларируемую ПНП и МПНП непосредственную связь между истинным убеждением и порочным поступком, тем самым дополнительно обосновав требование воздерживаться от первого во избежание второго. Необходимость внимания связке «убеждение–желание» представляется важным, так как ПНП и МПНП делают акцент не на предотвращении вредного для себя и окружающих действия в широком смысле этого слова (которое может быть, например, порой неконтролируемым и импульсивным), но порочного поступка. Поступок, в свою очередь, как упоминалось ранее, опираясь на определение в словаре А. Л. Свенцицкого, является осознанным, намеренным действием. То есть в случае поступка человек сам выбривает то, каким именно образом он будет действовать и способен ли контролировать то, какие именно мотивы будут в большей мере влиять на его действия. В качестве одного из немаловажных мотивов, который, как мы убеждены, не стоит игнорировать, выступает желание (что-либо сделать либо добиться чего-то этим действием), как минимум, в тех случаях, когда желание очевидно как для самого человека, так и для стороннего наблюдателя. При этом само желание не ведет к тому или иному поступку с необходимостью. В противном случае человек не был бы способен контролировать свои действия, что противоречит определению поступка как осознанного и намеренного действия.

В таком случае истинное убеждение как специфическая форма ментального состояния может приводить не непосредственно к совершению того или иного поступка, но способно породить другие, в том числе отличные от убеждения ментальные состояния. Некоторые из них могут быть неприемлемыми для человека сами по себе. Например, склонный к гордыне или, наоборот, к зависти школьник, который хочет побороть в себе эту черту, может преднамеренно воздерживаться от сравнения своих результатов с результатами своих одноклассников, хотя в результате этого сравнения он мог бы прийти к истинному убеждению об успеваемости в своем классе. В то же время другие ментальные состояния, а именно желания, могут подтолкнуть человека совершить неприемлемый для него и окружающих поступок. И в данном случае ПНП может оказаться действенным средством избегания подобного рода неприемлемых ментальных состояний. Человек далеко не всегда может полностью контролировать все свои ментальные состояния, в том числе желания, но может примерно представлять то, какие именно убеждения могут эти желания в нем пробудить. Как минимум, в примерах С. М. Левина оба агента не просто осознают свои порочные желания, но даже способны попытаться предотвратить их возникновение, воздерживаясь от убеждений, которые, с их точки зрения, эти желания порождают. Однако если все сказанное верно, ПНП, воздержание от получения истинных убеждений может рассматриваться как средство для предотвращения возникновения порочных желаний, но не предотвращения порочных поступков, вызванных этими желаниями. Предотвращение совершения порочных поступков, а точнее, сопротивление явно порочным желаниям как возможным мотивам порочных поступков – это область моральной, а не эпистемической и интеллектуальной ответственности человека.

Однако даже если принять ПНП, воздержание от истинных убеждений как метод борьбы с порочными желаниями, мы столкнемся с серьезной трудностью. На поверку может оказаться, что возникновение тех или иных желаний может быть спровоцировано не только неким истинным убеждением, но также практически чем угодно. И этот процесс трудно предсказать, именно потому, что мы не можем полностью контролировать как сами желания, так и все возможные факторы их возникновения. Возьмем пример Николая. Причиной появления у Николая желания поиграть в злосчастную игру может быть не только знание технических характеристик того или иного танка, но и его изображение на рекламном баннере или баннере, посвященном Дню Победы, не говоря уже о рекламе самой игры в интернете, общественном транспорте и рекламных баннерах. Следуя логике ПНП и МПНП, Николай должен стать затворником, осознанно и морально ответственно избегать всего, что могло бы оживить в нем желание возобновить игру в танки. Скорее всего, подобным своим поведением он принесет своей семье не меньше вреда, чем проводя целые дни за компьютером. Более того, даже сам факт возникновения мысли о танке и вопроса о толщине его брони может стать подобным триггером. И в этом случае уже становится не так важно, насколько эпистемически ответственно или безответственно Николай подошел к ответу на этот вопрос. Интерес к технике выступит здесь скорее как предлог, но не как первопричина его порочного поступка. Таким образом, в данном контексте подлинным проявлением моральной ответственности является не отказ от истинных убеждений, но преодоление порочного желания или попытка как минимум взять под контроль его влияние на действия агента. Это требование, скорее всего, может показаться чрезвычайно строгим. Однако наша цель здесь заключается, скорее, в том, чтобы продемонстрировать, что в конечном счете выбор человека в ситуациях,

рассматриваемых в контексте ПНП, например, выбор того же Николая, лежит в плоскости альтернативных подходов к пониманию моральной ответственности (избегать порока или попытаться элиминировать его), а не между эпистемической и моральной ответственностью.

В случае с судовладельцем видна другая крайность: зная о своей склонности, он все равно остается в той социальной роли, которая неизбежно будет вызывать у него порочное, с его точки зрения, желание. Если судовладелец действительно заинтересован в окончательном решении дилеммы, перед которой он оказался, во-первых, он может попытаться победить свое желание совершать порочный поступок, в том числе обратившись за помощью к специалистам. В этом случае дилемма между игнорированием знания о состоянии судна и порочным поступком будет полностью устранена. Во-вторых, он может смириться со своим психологическим недугом и перестать считать свои действия (которые уже не являются поступками в полном смысле этого слова) под его влиянием тем, чего стоит избегать любой ценой. В этом случае приобретение истинных убеждений также перестает быть для него проблемой. В-третьих, он может осознанно и ответственно отказаться от роли судовладельца, которая неизбежно будет порождать в нем желание совершить порочный поступок (в роли судовладельца он в любом случае вынужден как-то взаимодействовать со старым кораблем – главным источником его порочного желания). Сделав этот выбор, он устранил из своего окружения значительную часть факторов, вызывающих в нем желание неприемлемого для него поступка. Этот выбор, как и в кейсе с Николаем, лежит в области моральной ответственности и ее возможных интерпретаций (требовательных, легко или трудно выполнимых и т. д.), а не между моральной и эпистемической ответственностью.

Заключение. При всей привлекательности и перспективности как ПНП, так и МПНП в том виде, в котором они представлены в статьях А. С. Мишуры и С. М. Левина, кажутся спорными. А именно, непроясненной и не совсем убедительной остается сама идея о том, что те или иные морально порочные поступки с необходимостью являются результатом получения агентом истинных убеждений. В контексте примеров, призванных эту связь продемонстрировать, как нам показалось, явно прослеживается промежуточный элемент между убеждением и порочным поступком в виде желания совершить этот поступок. Как ПНП, так и МПНП, согласно формулировкам, которые дают авторы и первой, и второй рассмотренных статей, призваны помочь человеку избежать порочного поступка, а не вредных для него и окружающих действий. То есть, действий, которые по определению являются осознанными. При этом мы настаиваем на том, что желание как один из возможных мотивов поступка всегда полностью осознаваемо и контролируемо в моменте, но может быть «схвачено» либо до, либо после совершения порочного поступка этим желанием вызванного. Более того, не во всех ситуациях именно желание может трактоваться как (главный и основной) мотив поступка. Что делать, если желание не столь очевидно либо вовсе отсутствует как мотив? Можем ли мы в этих случаях утверждать о непосредственной и прямой мотивации истинными убеждениями? Подробное и тщательное рассмотрение всех возможных случаев опосредованной или непосредственной мотивации истинными (или ложными) убеждениями требует отдельного исследования, учитывающего все возможные теории и концепции мотивации. Однако как минимум в примерах, рассмотренных в статье С. М. Левина, желание и его влияние на поступки можно проследить (более того, сам автор упоминает о стремлении судовладельца избежать

«непреодолимого желания» совершить порочный поступок). Если задача ПНП в этом контексте – это способствование избеганию нежелательных, с точки зрения агента, желаний, то с этой задачей он как минимум частично может справиться. Более того, это справедливо не только для желания, но и других ментальных состояний, которых агент хотел бы избежать, например, той же гордыни, зависти, гнева и т. д. Эта задача особенно актуальна в контексте религиозного мировоззрения, на что указывает и сам автор ПНП А. С. Мишура. Для подобного рода мировоззрения не только конкретные поступки (как форма действия), но и некоторые ментальные состояния, например, гнев, гордыня или те же порочные желания могут оцениваться как неприемлемые с моральной точки зрения. Достаточно вспомнить известную всем заповедь «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего...».

Но, во-первых, в статье С. М. Левина ПНП представляется как универсальный этическое-эпистемический принцип, применимый за рамками религиозного мировоззрения в целом и православного христианина в частности. Во-вторых, и в статье С. М. Левина, и у самого А. С. Мишуры ПНП делает акцент на избегании агентом морально порочного поступка, а не желании его совершить ценой отказа от истинных убеждений. Говоря другими словами, на необходимости в определенных случаях предпочтения моральной ответственности эпистемической. Но, учитывая высказанные нами в статье замечания и соображения, у нас есть веские основания считать, что как минимум в рассмотренных нами кейсах следование ПНП, отказ от истинных убеждений в попытке избежать порочного поступка сам по себе морально безответственный и даже порочный поступок. А именно как попытка снять с себя ответственность за контроль над собственными желаниями и их влиянием на свои поступки. Говоря иначе, в подобной трактовке моральной ответственности, следуя ПНП, герои примеров С. М. Левина поступают не только эпистемически, но и морально безответственно, что прямо противоречит главной цели формулировки этого принципа. Даже если подобная трактовка моральной ответственности слишком требовательна и нереалистична, сам подобный ход мысли явно демонстрирует, что вопрос выбора между моральной и эпистемической ответственностью в проанализированных нами случаях, как минимум, может быть сведен к вопросу об определении сущности моральной ответственности, а также предпочтения тех или иных ее возможных интерпретаций, более или менее строгих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мишура А. С. Принцип недоверия помыслам // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 243–267. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-243-267.
2. Левин С. М. Моральная ответственность познающего субъекта // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 307–316. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-307-316.
3. Волков Д. Б. Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI вв. в аналитической философии // Философский журнал. 2016. Т. 9, № 3. С. 175–189. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189.
4. Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2014.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006.
6. Code L. Epistemic responsibility. Albany: State Univ. of NY Press, 2020.
7. Code L. Toward a “Responsibilist” Epistemology // Philosophy and Phenomenological Research. 1984. Vol. 45, № 1. P. 29–50. DOI: 10.2307/2107325.

8. Grasswick H. Reconciling Epistemic Trust and Responsibility // *Trust in Epistemology*; ed. by K. Dormandy. NY: Routledge, 2020. P. 161–188. DOI: 10.4324/9781351264884-7.

9. Karimov A., Lavazza A., Farina M. Epistemic Responsibility, Rights, and Duties During the Covid-19 Pandemic // *Social Epistemology*. 2022. Vol. 36, Iss. 6. P. 686–702. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2022.2077856>.

10. Bonjour L. Can Empirical Knowledge Have a Foundation? // *American Philosophical Quarterly*. 1978. Vol. 15, № 1. P. 1–13.

11. Клиффорд В. К., ДеМарко Т., Листер Т. Этика веры. Ч. 1 // Вальсируя с медведями: управление рисками в проектах по разработке программного обеспечения; пер. с англ. Ю. М. Яновской, А. Д. Баженова, А. О. Арефьева. М.: Компания р.т. Office, 2005. С. 172–178.

12. Van Inwagen P. It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Any-thing upon Insufficient Evidence // *Faith, Freedom and Rationality* / ed. by J. Jordan, D. Howard-Snyder. Lanham (MD): Rowman, Littlefield, 1996. P. 137–153.

Информация об авторе.

Муртазин Салават Раисович – кандидат философских наук (2023), ассистент кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета, ул. Бутлерова, д. 49, Казань, 420012, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная эпистемология, эпистемология добродетелей, аналитическая философия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.11.2024; принята после рецензирования 15.01.2025; опубликована онлайн 21.04.2025.

REFERENCES

1. Mishura, A.S. (2019), "The Principle of Distrust to Thoughts", *Philosophy. J. of the Higher School of Economics*, vol. 3, no 3, pp. 243–267. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-243-267.

2. Levin, S.M. (2019), "Moral Responsibility of the Subject of Knowledge", *Philosophy. J. of the Higher School of Economics*, vol. 3, no 3, pp. 307–316. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-307-316.

3. Volkov, D.B. (2016), "The problem of free will: an overview of major studies by analytical philosophers in late 20th – early 21st century", *Philosophy J.*, 2016, vol. 9, no 3, pp. 175–189. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-175-189.

4. Svetsitskii, A.L. (2014), *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [A Concise Dictionary of Psychology], Prospekt, Moscow, RUS.

5. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. (2006), *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions], 4rd ed., RAN, In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, A TEMP, Moscow, RUS.

6. Code, L. (2020), *Epistemic responsibility*, State Univ. of NY Press, Albany, RUS.

7. Code, L. (1984), "Toward a "Responsibilist" Epistemology", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 45, no. 1, pp. 29–50. DOI: 10.2307/2107325.

8. Grasswick, H. (2020), "Reconciling Epistemic Trust and Responsibility", *Trust in Epistemology*, Dormandy, K. (ed.), Routledge, NY, USA, pp. 161–188. DOI: 10.4324/9781351264884-7.

9. Karimov, A., Lavazza, A. and Farina, M. (2022), "Epistemic Responsibility, Rights, and Duties During the Covid-19 Pandemic", *Social Epistemology*, vol. 36, iss. 6, pp. 686–702. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2022.2077856>.

10. Bonjour, L. (1978), "Can Empirical Knowledge Have a Foundation?", *American Philosophical Quarterly*, vol. 15, no. 1, pp. 1–13.

11. Clifford, W.K., DeMarco, T. and Lister, T. (2005), "The Ethics of Belief, Part 1", *Waltzing with Bears: Managing Risk on Software Projects*, Transl. by Yanovskaya, Yu.M., Bazhenov, A.D. and Aref'ev, A.O., Kompaniya p.m. Office, Moscow, RUS, pp. 172–178.

12. Van Inwagen, P. (1996), "It is Wrong, Everywhere, Always, and for Anyone, to Believe Anything upon Insufficient Evidence", *Faith, Freedom and Rationality*, Jordan, J. and Howard-Snyder, D. (eds.), Rowman, Littlefield, Lanham, MD, USA, pp. 137–153.

Information about the author.

Salavat R. Murtazin – Can. Sci. (Philosophy, 2023), Assistant at the Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, 49 Butlerova str., Kazan 420012, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: social epistemology, epistemology of virtues, analytical philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.11.2024; adopted after review 15.01.2025; published online 21.04.2025.